

Т.Н. Ковалева

Хронотоп перекрестка-вокзала в творчестве И.А. Бунина

В современном литературоведении хронотоп рассматривается как одна из важнейших категорий исследования поэтики художественного произведения [1; 2; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 12]. Термин хронотоп был введен в литературоведение М.М. Бахтиным и впервые использован в его основополагающем труде «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исто-

рической поэтике», в котором ученым подробно изложена теория хронотопа. М.М. Бахтин определяет хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [4: 121], «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [4: 235].

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» М.М. Бахтин характеризует хронотоп как сложную формально-содержательную категорию литературы. Исследуя процесс развития различных жанровых разновидностей европейского романа, ученый выявляет хронотопы разных объемов: во-первых, «большие, типологически устойчивые хронотопы, определяющие важнейшие жанровые разновидности романа» [4: 275], напр., авантюрный, идиллический, раблезианский; во-вторых, хронотопы в качестве минимальных единиц художественного текста, напр., хронотопы встречи, дороги, порога и др.

В творчестве И.А. Бунина хронотоп перекрестка-распутья и его редуцированного современного варианта вокзала встречается на протяжении всего творческого пути. Впервые этот хронотоп появляется в раннем стихотворении 1900 г. «На распутье». В первых трех строфах И.А. Бунин рисует образ пространства, вызывающий в памяти сказочную, былинную ситуацию и картину В.М. Васнецова «Витязь на распутье»: «древнее дикое поле», «распутье» – перекресток трех дорог и «роковая надпись на кресте»:

*«...Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротиться домой.
Путь направо без коня оставит –
Побредешь один и сир, и наг, –
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в неизвестных полях...»* [5; 1:87].

Однако из четвертой строфы мы узнаем, что лирический герой стихотворения – не древнерусский богатырь, а современный человек в извечной ситуации выбора – трудного выбора верного жизненного пути: «...Три пути / Вижу я в желтеющих равнинах.../ Но куда и как по ним идти?» [5; 1:87]. Путь еще не ясен герою, но он должен сделать свой выбор, несмотря на смертельные опасности, подстерегающие его, выдержать испытания, преодолеть свой путь, как бы ни был он труден:

*И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...* [5; 1: 87].

В знаменитом рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» хронотоп перекрестка-вокзала проявляется своим темным, демоническим зна-

чением. «Перекресток в мифопоэтическом контексте (в том числе и в русской демонологии) – некий центр хаоса, распутья, разгула стихий, бесовства и прочей нечистой силы» [11: 112]. В этой цепи смыслов вокзал и есть «перекресток». Именно на вокзале происходит трагическая развязка порочных отношений гимназистки Оли Мещерской и пятидесяти шестилетнего Малютина, основанных на «недумании» (Бунина) и пробуждении в героях животных инстинктов. Узнав об истинном отношении к себе, услышав признание Оли, что «она и не думала никогда любить его, что все эти разговоры о браке – одно ее издевательство над ним» [5: 96], Малютин застрелил ее на платформе вокзала.

Особую роль хронотоп перекрестка-вокзала играет в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Главный герой романа Алексей Арсеньев неоднократно говорил о своей любви к движению, к дороге, о жажде пути, зародившихся в нем еще в детстве. Взрослый Арсеньев вспоминает, как в отрочестве, учась в гимназии, по вечерам приходил на вокзал и с волнением «встречал и провожал поезда на станции, в толкотне и суете приезжающих и уезжающих, завидовал тем, кто, спеша и волнуясь, усаживались с множеством вещей в вагоны «дальнего следования», замирал, когда огромный швейцар <...> пел зычным, величественным басом, возглашал с дорожной протяжностью, с угрожающей, строгой грустью, куда и какой поезд отправляется» [5, 6:185]. Вспоминая свое детство, отрочество и юность, Арсеньев признавался, что в поездках у него «захватывало дух от радости» [5; 6:185].

Однако вокзал в художественном пространстве романа предстает знаковым образом с двойственной символикой. С одной стороны, вокзал как принадлежность дороги, пути является знаком перенесения в другой мир, движения-открытия нового в жизни, «порога», символом смены пространства, окружения, некой грани, с которой связаны встречи и разлуки.

Так, в ранней юности поездка Арсеньева на поезде в Севастополь – в юность отца – была наполнена удивительными и интересными впечатлениями, и потому железная дорога и вокзалы были частью этой предрасположенности к жизненным открытиям.

В минуты внутреннего напряжения, неопределенности, томления Арсеньев бросался в дорогу, на вокзал, стремясь вырваться из замкнутого и потому давящего пространства – из неясности, из внутренних противоречий, сомнений. В такие моменты повествования в описании вокзалов главенствует светлое, радостное настроение. Когда Арсеньев и Лика, понимая, что не могут друг без друга, решают быть вместе и приезжают в маленький украинский городок, «встречающий» их вокзал

предстает некой границей, за которой должна начаться их новая, счастливая жизнь. Поэтому в описании вокзала преобладает светлое настроение: «Вокзал – небольшой, приятный. На вокзале – приветливые лакеи, ласковые носильщики, благосклонные извозчики на козлах домовитых тарантасов» [5; 6: 219].

С другой стороны, вокзал в романе реализуется и своим вторым, «темным» значением, хорошо знакомым из произведений устного народного творчества, где перекресток-распутье – знак неуспокоенности, незнания пути истинного, сложного жизненного выбора или выбора неверного, уводящего с пути истинного. В горизонтальной плоскости он предстает и как своеобразный «антицентр», вариант архетипического перекрестка-распутья, дисгармоничности внутреннего состояния героя, разгула страстей, безнадежности, гибельности его существования. Расположенный «на перепутье», вокзал хаотизирует пространство и время, становится хтоническим центром, разрушающим жизнь в гармонии с собой и со всеми и символизирующим разлуку, бездомье, одиночество, смерть. В этом, втором, значении и вокзал-перекресток, и связанная с ним железная дорога, путь по ней несут неизменно негативные оценочные характеристики, отражая дисгармоничное внутреннее состояние Арсеньева, движение в неправильном направлении, неистинный путь: «...К вечеру серого и жесткого морозного дня перед этим вокзалом стоял наш непомерно длинный и необыкновенно будничный пассажирский поезд, бесконечная стена третьеклассных вагонов, больших, тяжелых. <...> С подножек поезда соскакивают люди с чайниками в руках, – все одинаково противные... <...> Наконец с адской мрачностью взрывается вдали паровоз, угрожая мне дальнейшим путем...» [5; 6: 245]. «Неожиданно и гулко забил колокол, резко завизжали и захлопали двери, туго и резко заскрипели быстрые шаги выходящих из вокзала – и вот как-то космато зачернел вдали паровоз, показался медленно идущий под его тяжкое дыхание страшный треугольник мутно-красных огней» [5; 5:180]. «Поезд предостерегающе и печально кричит куда-то в пустоту» [5; 6: 168]. Ошибаясь, отступая от истинного пути, порой всецело погружаясь в мир материальной жизни, «горизонтальи», Арсеньев смутно чувствует неистинность своего движения.

Буквально в каждой главе 5-ой книги присутствует хронотоп вокзала, что подчеркивает его значимость в произведении. Кульминационные же XVI-XVII главы 5-ой книги состоят из метаний-переездов Арсеньева из одного города в другой, от вокзала к вокзалу: Смоленск, Витебск, Петербург, Полоцк, Москва; вокзалы в Смоленске, в Витебске, в Полоцке, Николаевский и Финляндский вокзалы в Петербурге, вокзал в Москве...

Именно в этот напряженный момент Арсеньев понимает, что жизнь без любви невозможна, что он виноват в разрушении отношений с любимой, и, отбросив самолюбие, переступив через свою гордость, посылает телеграмму Лике и едет на встречу с ней. Вокзал в этих главах – «знак последней черты», судьбоносных решений и встреч.

Таким образом, хронотоп перекрестка-вокзала в творчестве И.А. Бунина символически изображает экзистенциальную ситуацию сложного жизненного выбора, поиска правильного пути или выбора неверного, уводящего с пути истинного.

Библиографический список

1. Айрапетова Э.Г. Место художественного времени в системе текстовой темпоральности // Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск, 2016. С. 7-11.
2. Бакалдин И.П. Муза-блудница в социально-литературной парадигме русского серебряного века: монография. Пятигорск: ПГУ, 2018. 180 с.
3. Барышников Н.В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации: учебник. М., 2013. 368 с.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121-291.
5. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. М.: Художественная литература, 1987. Ссылки на это издание с указанием тома и страницы.
6. Кичева И.В. Уступительные конструкции, оформляемые составными союзами с компонентом «и», в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 1998. 20 с.
7. Ковалева Т.Н. Путь по воле Бога в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. Т. 15. № 2. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. С. 127-140.
8. Ковалева Т.Н. Типы художественного времени и их роль в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. Вып. 14. 2016. С. 417-443.
9. Ковалева Т.Н. Художественное время-пространство романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 188 с.
10. Мурнаева Л.И. Архетипы, концепты, символы как вербализованные когнитивные компоненты авторской картины мира (на материале произведений А. Макоева, Ю. Шидова) // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. № 1 (11). С. 146-153.
11. Осипова Н.О. Мифологема вокзала в русской поэзии первой трети XX в. // Русская классика XX века: пределы интерпретации. Сборник материалов научной конференции. Ставрополь, 1995.
12. Федотова И.Б. Функционально-рациональный подход в историко-педагогических исследованиях // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 294-299.